

нии социализма, о новых людях и делах нашей современности... Поэтому мы должны преисполниться решимости еще лучше изучать человека для того, чтобы сделать более многообразным наше художественное творчество, повысить его качество».— заключает Ся Янь.

Из всего сказанного можно сделать по меньшей мере один бесспорный вывод: проблемы мастерства и художественного уровня литературы поставлены сейчас в Китае на повестку дня как неотложные.

КРАХ ОДНОЙ ИДИЛЛИИ

Гнев, как известно, плохой советчик. А уж если гнев овладевает человеком, который то и дело стремится «превратить карася в поросю»,— где уж тут говорить о трезвой оценке действительности, о возможности глядеть правде и фактам прямо в лицо.

Это лишний раз доказал на страницах английского еженедельника «Лиснер», лейб-органа Би-би-си, английский литератор мистер Фитцгиббон, опубликовавший передовую статью под выразительным названием «Тоска и презрение». Статья эта являет собой образчик пренебрежительного отношения к современной английской литературе, для пушей убедительности одобренный дежурными антикоммунистическими выпадами. Вместе с тем она — откровенный, хотя и своеобразный обвинительный акт против английской интеллигенции, которая, если верить Фитцгиббону, прямо-таки с жиру бесится, сама не знает, чего хочет, и платит «старой доброй Англии» черной неблагодарностью.

Мистер Фитцгиббон, выдвигая свои весьма серьезные обвинения, при всем том не хочет бычь — упаси боже! — голословным. Одна беда: от гнева и возмущения у него в зобу дыхание спирает. Не удивительно, что все его попытки обрисовать современное положение в Англии в виде этакой олеографической идиллии безнадежно проваливаются. Гнев — налицо, а идиллии не получается. Впрочем, если бы темпераментному мистеру Фитцгиббону даже и удалось сохранить ледяное спокойствие,— судьба принятой им попытки оказалась бы столь же плачевной.

В поведении современной английской буржуазной интеллигенции, в том числе писателей, художников, композиторов, мистера Фитцгиббона не устраивает очень многое. Но он великодушен и готов не обращать внимания на частности. Ему важно то, что он называет «общим звучанием хора голосов».

«Задумайтесь на минуту над тем, что вы слышите в этой музыке. Разве это не погребальное пение, панихида или плач по ум-ршим, гнев и даже отчаянье?» — рассерженно и почти возмущенно вопрошает мистер Фитцгиббон.

«...Что вы слышите и видите вокруг,— продолжает автор статьи в «Лиснере»,—

на страницах немногих еще существующих журналов, на сцене современных театров, в романах, которые критика приветствует по воскресеньям? Если это музыка надежды, веселья, сочувствия и уважения, иронии и любви — тогда у кого-то из нас поврежден слух. Я слышу тоску и жалобы, отвращение и презрение, жестокость и ненависть, и лишь изредка песню леса или отзвук чудесного царства... Нас уверяют, что Англия страна прогнившая, умирающая, пошлая, унылая и ничтожная; что наша деревня — это трущоба, город — куча мусора... памятник Маммоне; что наши основные чувства — это снобизм, алчность, похоть; что наши избранные лидеры — грубияны; что в будущем нас ждет насильственная смерть или распад — словом, Британии приходит конец!»

Между тем мистер Фитцгиббон решительно не согласен с такого рода точкой зрения. Он считает, что Англия сегодня — некая разновидность земли обетованной, где «люди совершенно избавились от нищеты» и где у них «много досуга и средств для того, чтобы им наслаждаться». «Любое поколение наших предков назвало бы наше время золотым веком»,— заверяет мистер Фитцгиббон.

Но, как говорится, если все так хорошо, то почему же все так плохо? Если Темза течет медом и млеком, откуда, спрашивается, тоска и жалобы, отвращение, презрение и даже ненависть, о которых доверительно сообщает сам мистер Фитцгиббон?

Во всем этом, видите ли, повинны, оказывается, эти «капризные и жадные интеллигенты», которые жалуются на то, что «они получают мало уважения» и что у них «очень немного истинно высоких целей».

Впрочем, как выясняется из дальнейшего хода мыслей автора статьи, интеллигенты, в том числе и английские писатели, относятся к своей профессии, «как к ремеслу, которое дает им деньги. А получают они мало. Это приводит их в состояние отчаяния, и они, так сказать, отчуждаются от общества».

Позвольте, спросите вы, значит, в счастливой британской Великоаркадии, где давно, как уверяет мистер Фитцгиббон, и чисто покончено с нищетою, есть все же люди, которые «получают мало», и даже настолько мало, что это способно привести их в отчаянье? Вот тебе и райское житье!

На это мистер Фитцгиббон тоже заранее заготовил в своей статье ответ. По его мнению, «интеллигенция в Англии никогда не обладала престижем, не говоря уже о власти...» Такова, по его мнению, первопричина ее «нытья и брюзжания», а также, следовательно, и объяснение того, почему она получает мало уважения и мало денег. Иначе говоря, в современной Англии много уважения и много денег получают те, кто обладает престижем и особенно властью. Что и требовалось доказать.

Верно ли, однако, что в стране Диккенса и Дарвина, Шекспира и Бернса, Чаплина и

Оливье, Шоу и Бриттена интеллигенция совершенно не обладает никаким престижем? Не правильнее ли будет предположить, что подлинная английская творческая интеллигенция лишь в глазах мистера Фитцгиббона не пользуется уважением? Если это так, то тем хуже для мистера Фитцгиббона и его — будем надеяться — немногочисленных единомышленников.

Продолжая живописать прелести жизни и быта современной Англии (в том числе и могучую силу телевидения), мистер Фитцгиббон вещает: «Телевидение дает возможность миллионам людей спастись от скуки, этого проклятия тех, кто лишен воображения». С чего бы, однако, в современной и столь рекламируемой мистером Фитцгиббоном Англии миллионы людей обуреваемы скукой и вдобавок поражены отсутствием воображения? На этот невольный возникающий вопрос мистер Фитцгиббон ответа не дает.

Но особенно недоволен он современными английскими драматургами, поскольку те отваживаются в своих пьесах нарушать идиллию, с таким трудом нарисованную мистером Фитцгиббоном. «Их герои обычно отчаявшиеся пролетарии, которые борются с буржуазией». По мнению мистера Фитцгиббона, эти пьесы не привлекают внимания рабочей аудитории. Что касается буржуа, то здесь дело обстоит так: они смотрят подобного рода пьесы всегда с тем же чувством, с каким «наблюдают в зоопарке за гориллой, когда она трясет прутья своей клетки» (!!!).

Не станем здесь опровергать эти столь же бестактные, сколь и неверные утверждения ссылкой на подлинный успех драматургии Уэскера и Боулта, Осборна и Делани, причем отнюдь не только в театрах рабочих кварталов: зачем ломиться в открытую дверь? Не лучше ли будет обратить внимание на допущенное мистером Фитцгиббоном образное сравнение «отчаявшегося пролетария» с «гориллой, трясущей прутья своей клетки»? Теперь духовная и политическая

физиономия самого мистера Фитцгиббона становится до конца отчетливо ясной.

Впрочем, до конца ли? Было бы непорочительным промахом, если бы мы не коснулись здесь взглядов мистера Фитцгиббона на подготовку атомной войны и, следовательно, на борьбу за мир. Мистер Фитцгиббон утверждает, что вся угроза войны и ядерного уничтожения попросту выдумана перепуганными интеллигентами, в том числе теми из писателей, у которых пошалаивают нервы. Что касается спокойно проживающих в Великоаркадии настоящих англичан, «не обладающих классовым сознанием», то они, мол, преспокойнейшим образом «продолжают заниматься делами, смотрят телевизор и раздумывают над тем, какую машину купить: «форд» или «остин».

Даже наличие американских атомных баз в Англии и превращение ее в американский авианосец, даже высадка немецких войск на родине м-ра Фитцгиббона не способны помешать ему упрямо твердить, что он «наслаждается миром». Правда, за истекшие шестнадцать лет Англия вела колониальную войну в Корее и ряд, как выражается автор статьи, «малых войн типа Суэца, Кипра и Кении». Но и это не должно нарушать сконструированную мистером Фитцгиббоном консервативную идиллию, хотя каждая из упомянутых им войн стоила жизни немало-му числу англичан и могла превратиться в пожар большой войны. Как тут не вспомнить «девиз» человека из подполья, описанного Достоевским: пусть весь мир провалится, а я чай пить буду!

Нет, не сходятся концы с концами у мистера Фитцгиббона — Мальбрук, собравшийся в поход против «брюзжащей интеллигенции», не стяжал себе лавров! Нарисованная им идиллия, что называется, трещит по всем швам.

И чем больше старается мистер Фитцгиббон приукрасить современную Англию, тем сильнее овладевает вами ощущение того, о чем сказано еще у Шекспира: не ладно что-то в королевстве датском!

